

Игорь Шиповских

Пять

исторических

сказок

Новелла-сказка

Игорь Дасиевич Шиповских

Пять исторических сказок

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70224718

SelfPub; 2024

Аннотация

Сказки о коварстве и хитрости, о прозорливости и рассудительности, о юности и зрелости, о тщеславии и чрезмерно раздутом самолюбии, о неправильных решениях и несбыточных мечтах, о борьбе с несправедливостью и великих свершениях, в которых есть место волшебству. А также о том, как искусство помогает преодолеть невзгоды и обрести подлинную любовь, от которой захватывает дух и хочется отдать всю свою жизнь без остатка творчеству. А ещё о загадочном существе и его коварных проделках, о смелости великой и отваге невиданной, о рыцарских подвигах и дерзкой отваге, о девичьей красоте безупречной и юношеской преданности бесконечной, и ещё много о чём неожиданном. А действие этих историй происходит в разные эпохи и разных странах; и в могучем Монгольском ханстве, и Древнем Римском государстве, и в придуманном рыцарском царстве, и в странном старом падишахстве, и даже Париже XIX века... Иллюстрация обложки: автор текста – Игорь Шиповских.

Содержание

Сказка о дочери Цезаря Елене и гладиаторе Леониде	4
1	4
2	7
3	9
4	13
5	17
6	21
7	24
8	29
9	31
10	34
11	38
12	43
13	52
14	57
Сказка о прекрасной княжне Даше и загадочном художнике Пьере	60
2	68
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Игорь Шиповских

Пять исторических сказок

Сказка о дочери Цезаря Елене и гладиаторе Леониде

1

Случилась эта история в том самом городе, который спасли гуси. И теперь уже точно никто не помнит, когда именно произошла эта история, до того как гуси его спасли или после, и спасали ли они тот город вообще. Но только то, что эта история была на самом деле, это неоспоримый факт. Лично мне её рассказал один старый седовласый итальянец. Он же её услышал от своего деда, а тот от прадеда, и так далее. Однако не только он один знал об этой прекрасной легенде, многие жители Италии помнят её и передают из уст в уста уже долгие годы. Мне как-то однажды даже посчастливилось поработать в небольшом тамошнем ресторанчике вместе с далёким потомком героя этой истории. Кстати, того юношу звали так же, как и его далёкого предка – Леонид. Впрочем, не стану тратить времени зря и, пожалуй, начну.

В те славные, архаичные времена страна, господствующая над всем миром называлась – империя, а тот, кто ею управлял, носил титул цезаря. И как нетрудно догадаться речь пойдёт о Древнем Риме. Порядки тогда в империи были очень странные. Не работавшие в своей жизни ни дня люди, пользовались большими привилегиями и назывались аристократами. При этом они же всем и владели, даже теми людьми, что работали на них. А тех людей так и звали – рабами, от слова работать, и были они невольниками.

Жил в империи также и свободный народ, тот, что создавал произведения искусства и предметы обихода, и имя ему – ремесленники. Проживали ещё и такие люди, что снаряжали большие корабли с продуктами и товарами. А потом отправлялись на них в дальнее плаванье за моря, торговать с другими странами, это были купцы. А чтобы люди могли жить спокойно и в безопасности, была в империи многочисленная армия, часть которой охраняла от бед прекрасную столицу – Рим.

В общем, жизнь повсюду, куда ни взгляни, кипела и бурлила как лава в вулкане. А дабы народ особо не скучал и мог приятно провести досуг, для развлечения в центре столицы во времена правителя Тита был возведён величественный амфитеатр Колизей. В нём проводились различного рода представления. Устраивались целые сражения, где люди дрались насмерть с дикими животными: львами, тиграми, буйволами, леопардами и даже крокодилами. Ну а когда аре-

ну Колизея наполняли водой, то в ней проходили бои на кораблях и галерах. Правда, делались те корабли намного меньше, нежели чем настоящие. И всё же, это были грандиозные феерии, подстать настоящим морским баталиям. Со всей империи съезжалось несметное количество народа, чтобы увидеть столь роскошные спектакли.

Разумеется, звёздами этих выступлений становились крепкие и мужественные люди, называемые гладиаторами. В основном гладиаторы были рабами, однако принимать участие в гладиаторских боях могли и свободные граждане империи. И это не было чем-то унижительным или зазорным, скорей наоборот, считалось признаком доблести и славы. Помимо того, став гладиатором, горожанин получал приличный заработок. Даже среди очень богатых людей находились желающие попрактиковаться в боях на арене, но всё больше для забавы и тщеславия. Другое дело, что иногда кто-нибудь из этих бахвалов так и оставался лежать навсегда посреди арены бездыханный. Но всё же в общей своей массе гладиаторы состояли из пленных рабов, попавших в неволю в результате различных войн, какие империя вела в то время великое множество.

2

Особо надо отметить одного очень храброго и отважного гладиатора, юного бойца по имени Леонид. Друзья же его звали просто – Лео. Когда-то давно, будучи совсем молодым, он попал в плен к солдатам империи, а те продали его в рабство. Ну а так как Лео с детства рос вольным человеком, то от всех прочих рабов он отличался чрезмерно свободолюбивым нравом. Ещё в юном возрасте, до пленения, Лео много занимался военной подготовкой. А надо сказать, что его отчизна во все времена славилась своими воинами, которых обучали с младенчества. Так и Лео, в своё время был возвращён великолепным бойцом, а попав в рабство, он таковым же бойцом и остался. Эти качества заприметили его новые хозяева и перепродали Лео в гладиаторы. Так он стал воином арены.

Да уж, вот такие жестокие порядки царили в те времена в империи. Леонид, как многогранно развитый боец принимал участие в сражениях всякого рода. И в схватках с хищными животными, и с подобными себе гладиаторами, да и на кораблях он тоже воевал. Разносторонняя деятельность Лео сделала из него знаменитость. Его имя славили, как и простые вольные горожане, так и рабы-невольники. И даже велеречивые поэты сочиняли про его подвиги сладкие баллады.

Отдельным вниманием он, конечно же, пользовался и у военных легионеров. Некоторые его боевые приёмы воспринимались ими, как новшества и внедрялись в образовательный курс имперской армии. Более того, Лео даже модернизировал некоторые устройства на кораблях, которыми управлял на арене. Благодаря этому его маленький флот постоянно одерживал победы. Его уму и проницательности позавидовали бы многие военачальники того времени. Гладиаторы такого ранга чрезвычайно высоко ценились, а их вознаграждение за сражения порой превышало жалование высокопоставленных особ в армии. И даже сам Цезарь неоднократно отмечал заслуги Леонида, лично награждая его лавровым венком победителя.

3

Однако не всё было так гладко, как это может показаться на первый взгляд. Имелись у Лео и недруги-завистники, особенно в среде высших военных чинов. Они попросту боялись того, что Лео может взбунтоваться и, пользуясь своим авторитетом увлечь за собой людей. И тогда им, этим военным, было бы несдобровать. Но слава богам, тех чинов было всего трое. А именно старый полководец Виктал и два центуриона в его подчинении, Алекс и Максимус. Эта троица держала солдат в подчинении жестокостью и вероломством, в то время как другие военачальники честью и справедливостью, за что последних в армии любили и уважали. Этими же качествами обладал и Леонид. Однако не все гладиаторы были такими, как он, хотя и жили с ним под одной крышей, и казалось бы, должны были вместе разделять все тяготы и невзгоды жизни рабов-воинов.

Но нет, имелось двое хитрых проныр у коих водились свои планы. Они строили козни и отравляли существование другим рабам. Случались и у Лео стычки с этими двумя негодяями. Одно дело сражаться честно, а другое, когда тебе в еду подсыпают снадобья способствующие потери ориентировки во время боя. Именно такими приёмами и пользовались эти хитрецы. Зная их нечестную игру, многие гладиаторы избегали с ними встреч на арене, и лишь Лео смело

вступал с ними в бой. И тогда уже они прятались за спинами других бойцов.

Противостояние между Лео и этими двумя пронырами нарастало, интрига закручивалась, и не увидеть этого было невозможно. Заметив, такую неприязнь гладиаторов друг к другу, Виктал решил воспользоваться ею и известить Лео. Он уже было собрался назначить встречу, тем двоим хитрецам, как случилась новая война. Консул из провинции сообщал, взбунтовалась соседняя колония, и сенаторы постановили выслать на подавление мятежа как раз ту армию, которую возглавлял Виктал.

И надо пояснить, кто же такие сенаторы. После Цезаря по значимости в управлении империей занимал совещательно законодательный орган называемый сенат. Он-то и состоял из сенаторов, и именно они обсуждали и принимали все важные для империи решения и законы, они же и отправили Виктала на усмирение бунта. Так что планы по устранению Лео пришлось отложить, но не насовсем.

Виктал перед отъездом поразмыслил и распорядился таким образом; он и Максимус уходят в поход на подавление мятежа, а Алекс остаётся и готовит людей для выполнения его коварного замысла. Такое распоряжение Виктал был во власти отдавать. Однако он не учёл кое-каких обстоятельств. Алекс, услышав его, впал в смятение. И вот почему, не так давно Лео помог его брату, вышедшему ради заработка на арену спасти собственную жизнь. Он выручил его из тяжкой

беда. Если бы не Лео, то хищники задрали бы его брата. Однако приказ есть приказ, а ослушаться его Алекс не мог, и ему с тяжёлым сердцем пришлось выполнять распоряжения Виктала. Сожалея о том, что ему приходится это делать, он приступил к поиску исполнителей.

Одну из таких кандидатур он нашёл почти сразу. Его выбор пал на мелкую службу из воинских конюшен, где содержались лошади гладиаторов. Там эта особа выполняла самую грязную и отвратную работу, чистку стойл и вывоз отходов. А звали ту службу Петрона. Такую работу она получила в наследство от своих родителей, а те в свою очередь от своих. Весь их род занимался чисткой чужих непотребств и зарабатывал этим себе на жизнь. Иметь дело с любой грязью и получать за это деньги стало уделом и Петроны. Была она маленького роста, щуплого телосложения, тусклой внешности, и при всём при этом пронырливая прохиндейка, желающая оторвать свой кусок от всего, что попадалось ей на пути. Петрона не чуралась никаких тёмных дел и идеально подходила для выполнения заговора, а то, что это был заговор, сомневаться уже не приходилось. Ещё одно преимущество этого выбора состояло в том, что она убиралась в казарме гладиаторов и в любой момент, имея доступ туда, могла незаметно пронести смертельный яд.

Заклучив некий договор с Петроной, Алекс отправил сообщение Викталу и стал ждать ответа. А надо заметить, что в ту эпоху было обыденной практикой устраивать восстания

подобные тому, что случилось на этот раз. А оттого армия империи практически всегда находилась в боевой готовности, и на таких незначительных войнах по устранению мятежей как эта, надолго не задерживалась. Возвращение Виктала было делом ближайшего времени, жизнь Лео повисла на волоске.

Меж тем сам Лео, ничего не подозревая о нависшей над ним угрозе, продолжал успешно сражаться на арене, получая всё новые и новые награды. Как всегда на его выступления собиралось огромное количество публики. И среди всего этого народа находилась одна примечательная девушка. Ни кто иная, как дочь самого Цезаря. То была невысокая, стройная девушка с пышными, спадавшими на плечи ярко рыжими волосами. Её большие, карие глаза, чёрными угольками выделялись на фоне этой огненной причёски. А губы алым цветком, гармонично подчёркивали её чуть вздёрнутый кверху прелестный, маленький носик, придававший девушке сходство с лисёнком.

Впрочем, самые близкие её люди её так и называли – «лисичка», а то и «рыжик» или «огонёк». Хотя истинное имя её было Елена. Цезарь назвал её так в честь красавицы царицы ставшей виновницей одной из античных войн. И Елена оправдывала своё имя с лихвой. Её озорной характер и постоянное стремление устраивать весёлые сражения со своими воспитателями, выдавали в ней больше натуру воинственного предводителя, нежели чем кроткой дочери, покорно привязанной к своей матери. Елена, в отличие от сверстниц, которые только и делали, что вышивали да пели под арфу, много занималась спортивными дисциплинами и точны-

ми логическими науками. Притом всегда старалась, словно тень следовать за своим отцом.

То же самое было и сегодня, в этот прекрасный солнечный день, она заняла почётное место в просторной ложе своего отца, ложе Цезаря. Её появление иногда удивляло публику. Хотя те, кто уже неоднократно посещал представления в Колизее, не были столь озадачены. Не то чтобы она до этого вообще не ходила на гладиаторские бои, но обычно дело сводилось всего к одному её визиту в месяц. Однако с недавних пор всё изменилось. С того самого момента, как на арене появился новый молодой гладиатор, в сердце юной Елены поселилось нежное и тревожное чувство доселе ей неведомое. И, разумеется, с тех пор она стала регулярно ходить на представления. Можно сказать, судьба её была предрешена. А виной тому предрешению стал ни кто иной, как сам Лео.

Каждый раз, когда он выходил на арену, Елена уже сидела на своём месте рядом с отцом. Сердце её колотилось готовое выскочить из груди. Как только начинался бой она не находила себе места, хотя при этом внешне не менялась ни на йоту. Но внутри её бушевал огонь беспокойства и страсти. А в те редкие моменты, когда перевес был на стороне противника Лео, Елена вообще замирала от страха и ужаса.

– Неужели это всё!... нет!... нет!... он справится!... – судорожно кричала она про себя. И в тот же миг Лео, словно повинувшись её мыслям, переходил в атаку. Это были захватывающие по своему драматизму бои. Лео в угоду публике тво-

рил чудеса. А однажды оставшись без оружия, практически в проигрышном положении, он один, напарника ранил лев, выстоял против нескольких хищников, и голыми руками, одного за другим уложил всех зверей. После такого отважного выступления публика, в едином порыве соскочив со своих мест, взорвалась в многотысячном ликовании. Лео был на высоте. Он, и только он, главный герой арены.

Но вся эта суматоха, весь этот восторг, мало будоражил самого Лео, он был прост и скромен, хотя и горделив. И эти противоречивые качества легко уживались в его свободолюбивом норове бойца. Гордость влияла на низменные эмоции, кичливость и спесь, не давая им вырваться наружу, ведь его победы были на арене в угоду зрителю, а не в честном бою на поле брани. Скромность же удерживала его от неумеренного бахвальства, предупреждая появление высокомерия. А потому люди знали его, как героя безразличного к своим удачам, что только ещё больше привлекало к нему интерес публики и вызывало уважение других гладиаторов.

Но иногда бывало и так, что за его внешним спокойным безразличием скрывалась щемящая тоска по Отчизне. И тогда в своих снах он видел себя гуляющим по родным абрикосовым рощам и финиковым садам, по близким его душе лесам и полям. Хоть и прожил он на своей Родине не так много лет, и память его плохо сохранила воспоминания о семье, Лео всё равно каким-то внутренним чувством ощущал, что его любовь к своему Отечеству, где он родился и вырос,

останется с ним навсегда и другой страны ему не надо. Может быть, поэтому, а может просто время ещё не пришло, Лео не замечал вокруг себя ни женщин, ни девушек. Хотя сам он был мечтой для многих женщин империи. Также он не замечал и комок огненных рыжих волос в ложе Цезаря. Но как говорится, всему своё время.

Вот и сейчас Лео, как обычно готовясь к выступлению, не обращал никакого внимания на Елену, которая к тому времени уже заняла своё место в ложе и, поблуднев как молоко, сильно переживая, приготовилась к сражению. Кстати, в этот раз переживать стоило особенно. Лео предстояла схватка с буйволом. Хоть во время боя Лео и восседал высоко на лошади, и был хорошо защищён, однако предсказать исход поединка не брался никто.

Намечалась та ещё схватка. Буйволы были опасными противниками. Их с большим трудом отлавливали в далеких жарких странах расположенных по другую сторону моря, а потом с таким же трудом доставляли сюда в Колизей. Бои с ними были одними из самых ярких и ожесточённых сражений. Взбешённый буйвол по своей силе и мощи не уступал двум львам и четырём ягуарам, а потому считался коварным животным. А для предания ему ещё большей ярости и злобы его перед началом представления легко ранили и раздражали. Случалось и так, что гладиатор, начиная схватку сидя высоко на лошади, заканчивал её своей гибелью в пыли на арене под копытами разъярённого буйвола. И в этот раз тоже должна была произойти схватка полная драматизма. Но никто не ожидал, что этот бой закончится, таким образом, и так быстро.

Как всегда буйволу нанесли лёгкое ранение и он, выско-
чив на арену, метался из стороны в сторону, ища виновни-
ка своих бед. Тут же под приветственные вопли публики в
центр Колизеума, ловко гарцуя на боевой лошади, выехал
Леонид. Шум и крики толпы ещё больше взбесили и так раз-
задоренного буйвола. Он с остервенением кинулся на Лео.
Но Лео, как искусный всадник, легко угнувшись, избежал
столкновения. Буйвол, проскочив мимо, тут же развернул-
ся и вновь бросился на него. И опять промазав, пронесясь в
дюйме от Лео, развил такую скорость, что с силой лавины,
на всём ходу наскочив на ограждение, с лёгкостью лебяжьего
пёрышка перелетел через него и оказался в ложе Цезаря.

Удар был настолько сильным, что свалившись на бок, буй-
вол взревел от боли и ярости, словно тысяча слонов. Стара-
ясь тут же подняться на ноги, он начал крушить всё вокруг
себя. Люди рядом с ним падали как подкошенные. Все кто
был в ложе, пытаясь спастись от его копыт, бросились врас-
сыпную. Ещё момент и буйвол был бы на расстоянии вытя-
нутой руки от Елены. Она уже видела отражение своих ог-
ненно рыжих волос в его страшно выпученных кроваво-чёр-
ных глазах. Цвет её волос, словно магнит, притягивал его к
ней. Выбрав Елену своей целью, будто она виновна в его го-
ре, буйвол кинулся на неё. Ужас застыл в душе бедной де-
вушки. Трагедии было не избежать, только чудо могло по-
мочь ей. И оно пришло в лице Леонида.

Увидев столь страшную картину, бросив лошадь в рысь,

он всего за несколько пружинистых скачков достиг ограждения арены. Лошадь взметнулась на дыбы. Лео мгновенно обнажил свой меч и спрыгнул с лошади, словно с вышки. В тот же миг он казался прямо на буйволе. Короткий взмах, удар, и жестокий буйвол повержен. Тихий храп последнего выдоха и всё кончено. Лишь теперь Лео огляделся по сторонам, проверить все ли целы. Так он оказался лицом к лицу с Еленой.

Её страх моментально растаял, как утренний туман, не оставив и следа. Посмотрев в его глаза, она улыбнулась ему той самой улыбкой, от которой юноши теряют рассудок. И стоило Лео взглянуть в её по-детски трогательные, наполненные благодарными чувствами, карие угольки-глаза, как весь мир для него в одну секунду перевернулся. В одно мгновение суровое сердце воина гладиатора дрогнуло и оттаяло, как эдельвейсы весной, наполнившись нежной сладкой любовью. Да-да, именно той самой всепоглощающей любовью, что бывает только в первый и последний раз. С этой секунды для всех остальных женщин мира он был потерян навсегда.

Как только буйвол перемахнул через ограждение и оказался в ложе Цезаря, сотворив там переполох, все зрители как по команде вскочив со своих мест, с нескрываемым беспокойством устремили взоры в центр бурно развивающихся событий. Даже с самой дальней точки трибун Колизея было видно, как раб-гладиатор Леонид ударом меча спас от неминуемой гибели дочь Цезаря. Все видели, как гладиатор, об-

мотав свою руку туникой, помог Елене встать. Как он, подведя её к лежащему возле перевёрнутого трона Цезарю, встал пред ним на одно колено и склонил голову. Люди видели, как Цезарь, поднявшись, принял величественную позу и, положив руку на голову раба, громко и с достоинством произнёс. – Свободен! – В эту же секунду публика разразилась аплодисментами и криками ликования. Земля содрогнулась от топота тысячи ног.

– Аве Цезарь! Аве правитель! Аве твоей мудрости! – восторженным эхом разнеслось над Колизеем. Так в одно мгновение на глазах у всего народа раб-гладиатор получил свободу. А такое случалось нечасто. Чтоб так отличится, надо было совершить высочайший подвиг. И никто не помнил, когда такое было в последний раз.

После дарования ему свободы Лео поблагодарив Цезаря, спустился на арену, вышел на середину амфитеатра и, подняв меч над головой, поприветствовал публику. Это был его триумф. Испугавшись шума трибун, лошадь, ища защиты, подскочила к своему хозяину, и Лео, успокоив её дружеским похлопыванием, вскочил в седло. Сделав по арене круг победителя, он тот час удалился. Пока публика успокаивалась, служители Колизея, убрали тушу буйвола и навели порядок в ложе Цезаря. Незамедлительно были поданы хмельные напитки и сладкие закуски. Представление продолжилось.

6

События этого дня имели большие последствия. Во-первых, и это самое главное, Лео отныне был влюблён в Елену и уже начинал страдать от невозможности видеться с ней. Во-вторых, он получил свободу, что никак не отразилось на его состоятельности. И третье, чрезвычайно прискорбное последствие. Весть о триумфальной победе Лео и даровании ему свободы самим Цезарем привела Виктала в неистовство. Тем самым спровоцировав его к скоропалительным решениям. Всё бешенство, вся злоба, что накопилась в его душе, выплеснулась потоками ярости на головы повстанцев, коих он тогда умирлял. Но жестокость порождает жестокость, и противостояние усилилось.

Мятежники с удвоенным упорством стали оказывать сопротивление войскам Виктала. Наступил момент, когда он не выдержав напряжения, приказал отступить. Такое случилось впервые за его карьеру. Ему так хотелось быстрее закончить все дела здесь и вернуться в столицу, что он пошёл на этот шаг. Ненависть душила его, не давая здраво мыслить. Желание разделаться с Лео заставляло Виктала совершать необдуманные поступки. Боязнь того, что Лео став свободным, может быстро возвысится, и будет недосыгаем для его мести, сподвигла Виктала к скорейшим действиям. И здесь ему как раз пришло известие от Алекса о том, что найден

человек, способный отравить Лео. То была последняя капля в его сомнениях, и он решился на отчаянный шаг.

Бросив командование армией на центуриона Максимуса, тем самым заранее обрекая всё войско на крах, Виктал поспешно бежал в столицу. Это было его осознанной ошибкой. Максимус, слабо разбиравшийся в столь масштабных кампаниях, как война против мятежников, неизбежно совершал грубейшие промахи, как в тактике, так и в стратегии. И, разумеется, с поставленной задачей не справился. В течение нескольких дней повстанцы разбили его войско и полностью освободили свою страну от захватчиков. А это была та самая страна, в которой когда-то родился и вырос Леонид, именно из неё-то его и угнали в рабство.

Так уж случилось, что Лео совершив подвиг на чужбине, сам того не зная помог своей Родине завоевать независимость. Народ его отчизны торжествовал, празднуя свою победу. И теперь из мятежной армады простых повстанцев образовалась настоящая армия, которой требовался свой лидер. За время правления иноземных завоевателей все военнослужащие способные занять этот пост бесследно исчезли. А царская семья и вовсе растворилась среди тысячи тысяч людей угнанных в рабство. Лишь высоко в горах, благодаря бывшему придворному педагогу, была спрятана знатная родственница монарха, знавшая и помнившая всех членов царской династии.

И вот тут надо пояснить, что организатором мятежа и ак-

тивным его участником был всё тот же придворный педагог, и звали его Дарр. То был непростой учитель, а наставник царевича по военному искусству. И только при помощи его знаний, армия повстанцев в упорной борьбе победила войско Максимуса. За эти заслуги народ назначил его главнокомандующим. Старенькую родственницу вернули в столицу и провозгласили главой царского рода. Немного посомневавшись, она согласилась и стала править государством, но только с одним условием, пока ей не найдётся подходящая замена. Так власть на Родине Леонида стала по праву принадлежать её жителям, а не захватчикам.

А тем временем Виктал тайно добрался до столицы. И встретившись с Алексом, продолжил плести паутину заговора против Лео. Лео же ничего не подозревая об этих кознях, был полон своих забот. Невозможность видеться с Еленой сводила его с ума. Оставалась одна единственная лазейка, это скорейшее участие в боях на арене Колизея. Став теперь свободным горожанином он мог бы этого не делать, взял бы спокойно собрался да уехал к себе на Родину, но всё же Лео твёрдо решил остаться и видеть Елену хотя бы во время своего боя.

Сейчас для него не было ничего важнее её взгляда, её глаз, её огненных волос. У него не выходила из головы её улыбка, та самая улыбка, которую юноши порой годами ждут от своих возлюбленных, чтобы понять, что она его любит. А здесь такая удача, едва Лео в первый раз увидел Елену, как она сразу же улыбнулась ему именно такой улыбкой, пусть даже это и случилось в столь необычный момент. С той секунды Лео чувствовал себя просто счастливым.

Однако жестокий червь сомнения всё же съедал его изнутри, а что если это ему всё почудилось, правда ли это, или он себе всё вообразил. Уже на следующий день после боя с буйволом Лео стал лихорадочно перебирать в своей памяти все бои, во время которых он хоть как-то, хоть мельком,

замечал в ложе Цезаря рыжую копну Елениных волос. Тогда-то он и осознал, что огненно-рыжее пятно всегда было рядом с Цезарем во время боёв с его участием. Сопоставив несколько поединков, Лео пришёл к выводу, что в те дни, когда он не участвовал в сражениях, то и Елены тоже не было на представлениях. Лео как ребёнок радовался этому открытию. Такая догадка ошеломила его.

– Значит, она приходит смотреть только на меня! Она любит меня! – внутренне торжествовал Лео. Теперь, после появления такого прозрения у него не оставалось иного выбора, как быстрее принять участие в следующих состязаниях. И он это сделал, буквально через день вышел на арену.

Первый же проведённый им бой доказал правоту его суждений. С самого начала поединка он стал обращать внимание на поведение Елены. В тот момент, когда он делал выпад или атаковал, она восторженно вскакивала и восхищённо выкрикивала его имя. В мгновения его провала или отступления, Елена вся съеживалась и, прикусывая губу, жмурилась от ужаса. Всё это ещё раз подтвердило его выводы, и он задумал действовать решительно. Одержав очередную победу, Лео как всегда подошёл для приветственного поклона к ложе Цезаря и, наклонившись, украдкой бросил взгляд на Елену. Их взоры встретились, и она ответила ему взаимностью. Не отводя взгляда, пристально посмотрев глаза в глаза, Елена улыбнулась, давая тем самым ему понять, что она ждёт от него последующего шага. И Лео сделал его тем же

вечером.

Теперь, будучи свободным горожанином, Лео, беспрепятственно вышел на улицы вечерней столицы, где, уже заранее договорился встретиться со своим добрым знакомым, гладиатором Тотом. Он был одним из тех независимых бойцов, что зарабатывал на жизнь выступлениями в Колизеи. У него имелись кое-какие связи с прислугой из Дома Цезаря. Через него Лео передал маленькую записку служанке, что с детства ухаживала за Еленой. Служанка та давно знала Тота, он был её ухажёром, и ей, конечно же, было известно о тайной страсти её воспитанницы к Лео. Ведь как водится в таких Домах, у Елены не было никаких секретов от своей служанки. Та была в курсе всех событий и бегом отнесла это послание своей хозяйке.

Елена, узнав от кого записка, с жадностью схватила её и покрыла поцелуями. Закрывшись у себя в покоях, она неоднократно перечитала послание, наслаждаясь той интонацией и лиричностью, в коем оно было исполнено. А надо отметить, что Лео в детстве обучался не только военному искусству, а ему ещё преподавали и гуманитарные науки. В порыве любви все его былые познания всплыли в памяти и выплеснулись восторженными эмоциями на пергаменте. Хотя в его записки и было-то всего, что просьба о встречи. Но зато как написано. Не мешкая ни минуты, кое-как собравшись, Елена, поспешила к назначенному времени в то место, что было указано в послании. И едва она оказалась на том месте,

как подле неё тут же предстал Лео.

– О, царица моей души, ... позволь мне объясниться с тобой. ... – начал он высоким слогом, но Елена, не дав ему дальше продолжить, прервала его.

– Прошу тебя, не говори со мной так. Это меня обижает, ... мы свободные люди и я хотела бы разговаривать с тобой на равных. ... – нежно молвила она, при этом так посмотрела ему в глаза, что сердце у Лео сжалось. Он был готов выполнить любую её просьбу, пусть бы даже она грозила ему смертельной опасностью.

– Хорошо, ... я сделаю, как ты захочешь, ... только не отказывай мне в возможности видеть тебя. ... – горячо попросил он, прикоснувшись к её руке.

– Ну что ты, ... разве я могу тебе в чём-то отказать, ... мы будем видеться всегда, когда захочешь. ... – ответила Елена с такой преданностью, что у Лео пропала всякая неуверенность.

– Я рад это слышать, ... мне столько много надо тебе всего сказать. ... – уже более спокойно произнёс он, и у них тут же завязалась их первая и доверительная беседа. Они долго разговаривали обо всём, и о сражениях, и об их взаимоотношениях, и об её отце, и о том, как им быть дальше. Елена сама горела желанием встречаться, а потому они обсудили множество благоприятных вариантов для их тайных свиданий, притом эта секретность им обоим очень нравилась. В конечном итоге молодые люди, назначив новую встречу

с большим трудом заставили себя расстаться. Их руки ещё долго тянулись, друг к другу пока они расходились, печально глядя глаза в глаза. Миг расставания дался им тяжело.

8

Пока влюблённые ждали новых встреч, Виктал не дремал. Он меж тем встретился с Петроной, с этим исчадием ада, готовым за медяк продать и мать родную. Разговор был коротким.

– Когда ты сможешь влить ему яду? – сурово спросил Виктал, по-царски восседая на троне, в то время как Петрона убого пристроилась на коврике при входе в его роскошные, пропитанные богатством апартаменты.

– Мне нужен лишь флакон с ядом, ... а я бы, уже прямо сегодня ночью и залила ему его в ухо... – ничуть не смущаясь, злобно ответила Петрона.

– Хорошо, ... когда надо будет, мы тебя найдём... – удовлетворившись её ответом, сказал Виктал и жестом выдворил её, оставшись один на один с Алексом. Почти до самого утра заговорщики решали, где им достать яда, да так чтобы подозрение не пало на них. Ведь одно дело отравить раба-гладиатора, а другое подготовка смерти свободного горожанина. Узнай об этом хоть одна живая душа, им бы несдобровать. Под утро Алекс ушёл, а Виктал оставшись один, ещё долго обдумывал, как замести следы после выполнения его преступного плана.

– Ну, во-первых, мне надо самому видеть, как она выполнит своё дело. Переодевшись, я пройду в казарму вместе с

ней, ... а там уж, как будет, так будет. А во-вторых... – уже засыпая, бормотал он про себя не в силах всё ещё успокоиться.

А Петрона, эта хищница, тем временем убиралась в казарме гладиаторов, и, потирая руки от удовольствия, предвкушала своё злодеяние. Пока в жилище никого не было, она долго стояла у кровати Лео и примерялась, как подойдёт, как изловчится и как вольёт яд. Будучи по натуре изворотливой. Петрона предусматривала любой исход своего деяния, вплоть до того, что её могут схватить. Её коварство не знало границ, и она была готова подло предать и своих благодетелей, лишь бы спасти собственную шкуру. Хитрая Петрона продумала всё и даже наметила пути отхода. Она уже мысленно пересчитывала золото из заветного мешочка, обещанного ей Викталом за смерть Лео.

А меж тем сам Лео только и делал, что мечтал о новой встрече с Еленой, и не о чём другом он даже и думать не хотел. Время в томительном ожидании тянулось так долго, как если бы оно и вовсе стояло. Порой Лео места себе не находил не зная чем заняться, чтобы только хоть как-то сократить срок до следующего свидания. Елена испытывала то же самое чувство, разлука для неё становилась невыносимой. Влюблённым хотелось быть вместе каждую минуту, каждую секунду, каждое мгновение своего существования. И тогда Елена решилась на крайнюю меру. Ранее, как-то однажды, на одном из свиданий, она уже придумала остроумный план как им с Лео быть вместе, не расставаясь надолго. Однако пока она держала его про запас и не решалась исполнить. А тут видимо пришла пора. Во время очередного представления, в антракте, Елена якобы от скуки позёвывая, вроде невзначай заметила отцу.

– Что-то невесело стало в перерывах, ... одно унынье, день ото дня, ... надо бы чем-то разнообразить паузы... – проронила она и лукаво улыбнулась.

– На что это ты намекаешь?... о чём говоришь?... и что это значит – разнообразить... – вяло морщась, спросил её Цезарь.

– Я бы добавила шутов и акробатов на арену, ... когда в

перерыве арену убирают, то это же просто тоска какая-то! ... а так пусть публику развлекают. Это было бы забавно... – продолжая лукавить, опять зевнув, предложила Елена.

– А где же я тебе лишних рабов на забаву найду?!... – удивлённо опешил отец.

– А рабов и не надо,... объяви набор среди горожан, да дай им небольшую плату,... сразу понабегут,... а жить они могут рядом с теми же гладиаторами... – настойчиво посоветовала дочь.

– И откуда же взять деньги на их содержание?... казной не предусмотрено... – не сдавался Цезарь.

– Хм,... измени закон, нацени места на один асс вот тебе и оплата,... иль ты не властен над этим!?... – чувствуя, что отец готов сдаться, поддела его Елена и задорно рассмеялась.

– Ай да молодец!... ну, всё продумала!... быть, по-твоему!... – согласился Цезарь и в этот же день был объявлен набор. А уже вечером команда нанятых шутов вселялась в соседнее с казармой гладиаторов помещение. Сама же Елена, сказавшись больной под предлогом срочного лечения, незамедлительно уехала к морю, на дальнюю виллу. А в небольшом отряде новоявленных шутов появился акробат по имени Элл. И не трудно догадаться, что под маской этого шута скрывалась Елена.

И в эту же ночь на крыше казармы гладиаторов можно было заметить две тени сидящих рядом друг с другом людей. То были влюблённые Елена и Лео. Они так и просидели

до самого утра, обнявшись, любуясь звёздами, приятно проводя счастливые часы свиданья. И с этой ночи всё пошло, как они хотели. Днём на арене переодевшись шутком, Елена с другими комедиантами заполняла паузы между боями. А ночью они, с Лео взобравшись на крышу, мечтали о своём будущем, довольные уже тем, что они сейчас вместе.

Никто не мог заподозрить в шуте Элле девушку, до того искусно Елена перевоплощалась в молоденького юношу. Невысокий рост, точёная фигурка и спортивная подготовка, помогали ей в этом. А спрятав свои рыжие волосы под чёрный египетский парик, она становилась вообще неотличимой от юного мальчика пажа, и ловко пользовалась этим. Всё время, проведённое вместе, влюблённые наслаждались общением друг с другом. Все эти беззаботные дни показались им раем. Лишь несколько гладиаторов и кое-кто из прислуги были слегка удивлены внезапной дружбе сурового Лео и только что нанятого на службу молодого акробата-шута Эллы. Сами же молодые, строго сохраняли свою тайну и не давали никаких поводов для разоблачения.

А надо отметить, что даже хитроумная и изощрённая в таких делах Петрона не обнаружила подмены. Поначалу она как-то присматривалась к этому загадочному юноше, но, не заметив ничего подозрительного, быстро успокоилась. Всё что теперь смущало её, так это только то, чтобы этот шут-фигляр Элл не мешался у неё под ногами, когда она будет исполнять свой план. Сейчас ей оставалось лишь подобрать нужный момент и добыть яду. И вскоре момент был выбран. Следующим днём все гладиаторы отправлялись на подготовку в другой лагерь за пределами столицы. В казарме на ночь для поддержания порядка оставался лишь один Леонид. Тут же был найден и яд. Всё сходилось. Утром Виктал переодевшись в простую тогу, обрядившись горожанином, пришёл в конюшню к Петроне и передал ей флакон.

– Я должен сам лично увидеть, как ты этим воспользуешься... – сходу потребовал он.

– Хорошо,... приходи вечером в казарму, и ты увидишь, как я выполню своё предназначение,... однако мне надо, чтоб Лео в этот момент был совсем один. Ты, наверное, обратил внимание на то, что в последнее время он сдружился с этим шутом Эллом,... они слишком много времени проводят вместе. Лео только тогда будет спать спокойно и ничего не заподозрит, когда рядом не будет этого шута. Я боюсь, как

бы он не помешал, ... убери его куда-нибудь на время, ... а я уж не подведу... – поставила условия Петрона.

– Пусть тебя это не тревожит, ... я знаю, что делать. Сегодня после представления он попросту не вернётся домой, ... а ты, как только взойдёт луна, жди меня! ... – быстро свернув разговор, воскликнул Виктал и тут же вышел прочь. На том и закончилась их встреча.

Под вечер, как это и заведено, все участники представления расходились по своим домам. Вот и Елена в образе Элла спокойно возвращалась привычной дорогой, предвкушая сегодняшнее ночное свидание. Они с Лео опять заберутся на крышу и предадутся своим мечтам. У них было уже так заведено, что после представления вечером они отдыхали порознь, а ночь считали своим временем. Лео покидал арену первым и, разумеется, к той поре, когда она возвращалась в свой домик для акробатов, он уже отдыхал у себя. Ну а ночью Елена, хорошенько перед этим отдохнув, осторожно заходила за Лео в казарму, и так, чтобы никто не видел, будила его поцелуем. Ах, как он любил этот момент. Ему казалось, что весь день только для того и существует, чтобы скорее настало время нежного, ночного поцелуя. Ну а сегодня у него был особенно трудный день.

Лео практически один отдувался за всех, и сильно уставший давно уже отдыхал у себя в казарме, видя сны о своей прекрасной Елене. А она в это время шла, мечтательно задумавшись об их совместных ночных прогулках. Однако

путь её был недолог. Её уже поджидали, укрывшись в засаде два злодея подговорённые Алексом по приказу Виктала. То были те самые недовольные Леонидом гладиаторы, коих Виктал заприметил ещё тогда, до своего похода. Он ничего не упускал из вида и всё помнил. Вот и сейчас он выполнил своё обещание данное Петроне. Они, эти гладиаторы, конечно же, не имели ни малейшего представления, кто скрывается под личиной шута Элла, знали лишь только то, что это друг Лео и его надо на время изолировать.

Как только Елена поравнялась с ними, они не замедлили выскочить из укрытия и, заткнув ей рот, стали связывать. Негодяи уже было принялись запихивать Елену в мешок, как вдруг парик с её головы слетел, и она предстала в своём настоящем виде. Увидев рыжие волосы, и вмиг сообразив, кто на самом деле перед ними, злоумышленники задрожали от страха словно зайцы, и кинулись освобождать её от пут. Ужас охватил их от такого открытия. Бедные гладиаторы и подумать не могли, насколько коварным стало бы их преступление, выполни они, то распоряжение что им было дано. Из расчётливых негодяев они сразу превратились в жалких жертв, тех интриг и козней, что плёл Виктал. Трясущимися руками, еле-еле развязав Елену, трепеща и дрожа, они бухнулись пред ней на колени.

– Прости госпожа, ... демоны нас попутали, ... пощади...
– взмолились они, скуля как побитые псы. Недаром Елена была дочерью Цезаря, мгновенно взяв ситуацию в свои руки,

она устроила им допрос.

– А ну говорите, кто такие!?!... кто послал!?!... – прикрикнула она на них. Гладиаторы, боясь Елениного гнева, слухи о её крутом нраве ходили по всей империи, рассказали ей всё, и про Алекса, и про то, что они знали о Виктале и его планах. Так попытка хитреца Виктала отстранить от дела шута Элла, Елену, была раскрыта, и потерпела фиаско. Елена, умная от природы, сразу сообразила, что к чему. Разобравшись, что гладиаторы всего лишь пешки в чужой игре, она, не держа на них зла, вовлекла этих простаков в свой план, который тут же и придумала. То была ловушка, но только теперь уже для самого Виктала.

А тем временем Максимус, не сумев справиться с войсками мятежников, ими же был и пленён. Став сам невольником, он подвергался многочасовым дознаниям и расспросам. На одном из этих допросов, проходивших во дворце бывшего монарха, он заметил на стене зала полуразрушенную фреску с изображением царской семьи в полном составе. Лик мальчика находившегося справа от государя показался ему знакомым. Гармонично расположенные черты лица, разрез глаз, уголки рта, форма носа, всё это смутно напоминала ему кого-то, но он сам ещё и не понимал кого.

Допросы проводил главнокомандующий Дарр, которого интересовала стратегия и тактика самого Цезаря, его будущие планы и намерения. Дарр, как бывший преподаватель военного искусства мог бы из этих сведений составить общую картину дальнейших действий армии Цезаря. И предпринять ответные действия. Его занимали любые подробности, и он проводил допросы по два-три раза в день. Максимус осознавая своё положение, чувствовал себя обманутым Викталом. Впрочем, так оно и было на самом деле, и теперь он, не церемонясь, давал показания. Иногда его повествования переходили в целые рассказы о боевых походах и сражениях. А вскоре все эти дознания вообще стали носить характер примирительных бесед.

В довершении всего обе стороны пришли к выводу, что у них больше общего, чем различного. И такое откровение поразило, как центуриона, так и главнокомандующего Дарра. В какой-то момент противоречия исчезли, и они стали больше походить на старых ветеранов вспоминающих былое, нежели на врагов. Недаром говорят, что величие победителя не в возможности карать, а в умении прощать. И вот в одну из таких бесед Максимус поинтересовался фреской и людьми на ней изображёнными.

– Ты не мог бы рассказать мне о них?... что это за люди?... какова их судьба?... – мягко спросил он. На что Дарр подведя его к картине с готовностью начал пояснять.

– Это наш царь Феликс,... это его жена царица Ника,... а это их дети. Все они безвозвратно исчезли за время вашего господства,... их судьба неизвестна, и уже навсегда... – ответил он и грустно вздохнул.

– О, погоди,... не торопись с выводами,... мне кажется, я совсем недавно видел это лицо,... но вот только не припомню где... – указывая на молодого царевича, медленно произнёс центурион.

– Этого не может быть!... следы его потеряны много лет назад! Сейчас он уже должно быть взрослый юноша, здесь ему нет и десяти лет,... я хорошо помню, как делали эту фреску,... ведь я тогда был его наставником по военной подготовке... – с какой-то особенной тоской в голосе воскликнул Дарр.

– Ну, что ж, ... всё правильно, ... выходит я видел его уже взрослым, ... а как его звали? ... – что-то судорожно вспоминая, спросил Максимус.

– Леонид... – последовал краткий ответ.

– Точно! Теперь я знаю, кто это! ... это же наш гладиатор Лео! ... – окончательно узнав в царевиче Лео, воскликнул центурион.

– Что?! Что ты сказал!?! ... – схватил его за плечи Дарр, – скажи, что это за гладиатор!?! ... где он, кто он!?! ... – сотрясаясь от волнения, опять вскричал Дарр. И теперь уже Максимус по-дружески усадив разволновавшегося Дарра в кресло, начал обстоятельно ему всё рассказывать. И про самого Лео, и про заговор Виктала, и про бой с буйволом, и как тот бой повлиял на все последующее события. Дарр внимательно слушал и поражался храбрости и доблести своего воспитанника Леонида. А дослушав, на мгновенье задумавшись, сурово произнёс.

– Дело серьёзное. Если всё то, что ты сейчас мне рассказал, правда, значит царевич Леонид в опасности. Мы, народ его страны, должны спасти своего монарха... – степенно произнёс Дарр и уже хотел пойти объявить всем об этой вести, но центурион остановил его.

– И как же ты собираешься его спасти? ... пойдёшь войной на империю!? Да вас же разобьют на первых рубежах! Это вы здесь, на своей земле, победили, зная все стёжки дорожки, ... а там, на чужбине, вы погибнете, ... тут по-друго-

му надо действовать... – почувствовав, что сможет искупить свою вину, высказал своё мнение Максимус.

– Ты и вправду можешь что-то предложить?... или просто хочешь сбежать!? Если хочешь улизнуть, так иди,... никто тебя не держит,... ты волен делать всё что пожелаешь!... – вскипев от отчаянья, воскликнул Дарр.

– Да хватит тебе,... неужели ещё не понял, что я теперь уже не тот прежний центурион, каким был раньше! Мне просто необходимо помочь вам всем, чтоб раз и навсегда очистить свою совесть пред вашей страной и её народом! Предлагаю такой план,... мы с тобой, и ещё два твоих надёжных умелых воина, переодевшись, пройдем в империю. Осторожно дойдем до столицы,... город я знаю великолепно, и для меня найти Лео в нём не составит особого труда, ты уж поверь мне. Если я не ошибся, и это точно царевич, то ты сам его узнаешь,... и тогда уже тебе никакой заговор не помешает вернуть его на царствование. А я останусь там,... у меня есть свои счёты с этим беглецом Викталом! Клянусь Юпитером, он мне ответит за свою измену!... – не раздумывая, заявил Максимус.

– Так-то оно так,... план хорош, но где гарантия, что мы не попадем в засаду! Может надо взять ещё воинов... – на секунду засомневался Дарр.

– Ты же понимаешь, чем больше людей, тем больше подозрений. Не сомневайся!... я знаю, что делать! – тут же развеял его сомнения Максимус.

– Ну, хорошо,... решено! Поступим, как ты предлагаешь,... только бы успеть до того как начнут действовать козники Виктала!... – окончательно заключил Дарр, прекрасно понимая на какой риск они идут во имя спасения царевича. Но храбрости и ума Дарру было не занимать, он обдумал кое-какие детали вылазки, взял двоих верных человек, и они торопясь выдвинулись в столицу империи. Следуя тайными тропами через леса и болота, чтоб оставаться незамеченными и неузнанными, они через несколько дней были уже на подступах к Риму.

А в этот момент Елена готовила ответный удар по Викталу, дабы упредить его злодейский план. Солнце уже зашло, близилась ночь. Подчинив себе тех двоих налётчиков, она отправилась в казарму к Лео. Казарма, где отдыхал Лео, находилась чуть поодаль, ближе к лесу, почти рядом с конюшней. Теперь те двое гладиаторов стали телохранителями Елены. Вовремя сообразив, что они выбрали верную сторону, сейчас друзья неотступно следовали за ней. Однако Елене по-прежнему приходилось сохранять внешний вид шута. Добравшись до казармы и разбудив Лео, она рассказала ему о грозящей беде. У них состоялся напряжённый разговор. Выяснив все детали, влюблённые стали готовиться.

– Кстати, те двое воинов отныне в моей власти,... и мы вольны с ними делать всё, что нам заблагорассудится... – напомнила о гладиаторах Елена.

– Где они сейчас?... – тут же поинтересовался Лео.

– Здесь недалеко,... ждут моего приказа... – ответила Елена.

– Тогда пусть сделают вот что,... сначала отчитаются перед своим нанимателем о выполнении его распоряжения,... якобы они тебя похитили и сделали всё, как он им велел,... а вот потом... – Лео вздохнул, и собрался ещё что-то добавить, но не успел, в казарму буквально ворвался Алекс.

Только благодаря своей сноровке и тонкой комплекции Елена успела мгновенно спрятаться. Лео же вмиг вскочив, принял боевую позу.

– Напрасно ты меня так встречаешь, ... ведь я к тебе с добром. ... – сходу начал Алекс, – в одной из схваток там, на арене ты не дал погибнуть моему брату. Да ты, наверное, уже и не помнишь того случая, ... а теперь я хочу помочь тебе сохранить твою жизнь. Против тебя существует заговор, ... к сожалению, и я в нём участвую. ... – переведя дух, сказал он, и устало присел.

– Отчего же я не помню тот случай? ... помню, и того горожанина я тоже помню, ... отважный боец. Только я тогда не думал о том, что он твой брат и помог ему как товарищу. Но об этом потом, а сейчас объясни, зачем пришёл? ... – спокойно спросил Лео. После такого пояснения у Алекса не осталось никаких сомнений в правильности своего поступка, вся та честность, что таилась в его душе, вырвалась наружу и он без утайки начал своё повествование.

– Ну, что же, слушай, ... сегодня я должен был по приказу Виктала нанять для уничтожения твоего друга, шута Элла, двух головорезов, ... но памятуя о твоём благородном поступке, я приказал им лишь похитить его. И ещё, опять-таки по приказу Виктала, я нашёл служку Петрону, которая согласилась отравить тебя. Она уже скоро придёт сюда. Сам же Виктал, чтобы убедиться в твоей смерти, должен где-то здесь поблизости спрятаться и ждать от неё сигнала. Но и

это ещё не всё, ... в самый последний момент я узнал, что он будет не один. С Викталом придут злодеи, нанятые им лишь для того, чтобы в случае если ты ещё будешь жив, добить тебя. Думаю, не будь их, ты бы и один справился с Викталом и Петроной, ... однако узнав об этих бандитах, я как видишь, поспешил исправить положение и предотвратить эту несправедливость... – закончил свою исповедь Алекс.

– Ты молодец, что всё рассказал, ... я и сам уже знаю обо всём этом, ... пожалуй, разве что за исключением последнего, ... привести убийц, чтоб добить умирающего от яда, это особое коварство! ... – выслушав его, подивился Лео.

– Считаю, он должен ответить за это! Его надо судить! ... – быстро скинув парик и выйдя из своего укрытия, с возмущением воскликнула Елена. В падающем из окна лунном свете её рыжие волосы вспыхнули, словно языки пламени. Увидев их, Алекс резко вздрогнул, и ошалело отшатнулся к стене.

– Не может быть! ... дочь Цезаря здесь ... – вмиг охрипнув, в горле всё пересохло, еле пролепетал он.

– Да это я! ... а ещё ты не знаешь центурион, что и шут Элл, которого приказал убить Виктал, ... это тоже я! ... – гордо взглянув Алексу в глаза, заявила Елена и бросила ему под ноги свой парик. Алекс тут же понял в чём дело, и поражённый увиденным, упал пред Еленой на колени. В ту же секунду он, как и подобает провинившемуся воину, просил владительницу о пощаде.

– Прости меня во имя всего на свете, ибо я не ведал что

творил! О, боги,... теперь я вижу, какому злу не суждено было свершиться,... прошу, пощади меня повелительница!... будь справедлива ко мне, я готов кровью искупить свою вину... – не в силах сдержать слёз, искренне каялся он.

– Ну, хватит, центурион, хватит. Уже только одним своим признанием ты прощён. Теперь не об этом надо думать, скоро подойдёт Петрона, пора действовать, у тебя есть меч?... – торопясь перейти к делу, спросила его Елена.

– Да!... и я готов хоть прямо сейчас вступить в бой!... – кратко по-солдатски ответил он.

– И так,... мечи есть у всех... – подвела итог Елена, – Лео, покажи ему его место,... а я приведу тех двоих,... они будут нам в помощь... – добавила она и быстро вышла. Пока она ходила, Алекс занял выгодную для атаки позицию, а Лео, как ему и полагалось, лёг на кровать. Мгновение спустя вернулась Елена с двумя гладиаторами. Они тут же, растворившись во тьме, заняли позиции для атаки, всё стихло. Луна вошла в зенит, все оцепенели в ожидании схватки.

Первой, тихо ступая, в казарме появилась Петрона. Сгорбившись, съежившись, выходя в лунном сиянии, как чёрная тень самой смерти, она подплыла к кровати, где лежал Лео. Следом из тьмы с обнажённым мечом, устремлённый применить его в любую секунду, выступил Виктал. Чуть позади его двигалось ещё несколько теней, то были нанятые им разбойники. Петрона достала флакон с ядом, открыла его и занесла над головой Лео. Она была готова по первой же ко-

манде Виктала влить в ухо спящего смертоносное содержимое флакона.

Но вдруг, отражаясь в лунном свете, молнией сверкнул занесённый рукою Лео меч, и тут же сильнейшим ударом плашмя обрушился на голову Петроны. Не издав ни звука её тщедушное тельце, легко, словно было невесомым, отлетело в сторону. Наёмники, следовавшие за Викталом, вмиг замерли. Они будто увидели, как из могилы поднялся призрак. Сам же Виктал, будучи старым опытным волком в таких делах, в момент понял, что попал в ловушку. Одним прыжком, не взмахнув своим мечом ни разу, он трусливо отскочил к выходу, и сейчас же оказался вне казармы, опять сбежав и бросив всех. Лео рывком устремился за ним.

В ту же секунду Алекс, Елена и двое её телохранителей разом выскочили из своих укрытий. Мгновенно нанося удары мечами плашмя, дабы избежать ненужного кровопролития, они моментально оглушили всех наёмников. Несмотря на численное превосходство разбойников, с ними было вмиг покончено. Эффект неожиданности сыграл свою роль. Оказавшись снаружи Лео, быстро оглядевшись по сторонам, услышал шум и ржание в стойлах на конюшне.

– Ах!... так вот куда ты побежал! – крикнул Лео и кинулся к лошадям. Следом выскочивший из дверей казармы Алекс побежал за ним. Елена и гладиаторы, связывая оглушённых разбойников, чуть задержались. Спеленав их в течение нескольких секунд, а уж это гладиаторы умели делать

превосходно, они тоже поспешили к конюшне. Про Петрону все забыли, будто её и не существовало.

А меж тем она пришла в себя, и присев у стены, еле-еле соображая, вспоминала, что же с ней случилось. Несколько минут потребовалось её изошрённому в гадостях уму, чтобы осознать и понять, то положение, в коем она оказалась. Уразумев своё выгодное состояние быть забытой, она стала ползком выбираться наружу. При этом, она не обращала никакого внимания на стоны и мольбы связанных наёмников освободить их. Выбравшись, Петрона сразу заметила стоявшую посреди дороги, спиной к ней, с мечом наизготовку Елену.

– Ну, я тебе сейчас отомщу!... – обезумев от жажды крови, поглощённая стремлением мстить, ещё толком не зная, что за особа перед ней, злобно прошипела Петрона, и, обнажив спрятанный в рукаве клинок, стала подкрадываться к Елене.

Елена же, ничего не подозревая, в этот момент ждала, когда из конюшни появится кто-нибудь из ранее ворвавшихся туда для захвата Виктала мужчин. Лео, испугавшись, что она в неразберихе может пострадать запретил ей идти за ними и велел оставаться снаружи. Приготовившись к любому исходу погони, Елена, взяв меч наизготовку, ждала развязки. По шуму, доносившемуся изнутри, было ясно развязка близка. Виктал метался по конюшне в поиске непривязанной лошади, притом он как мог, отмахивался мечом от напиравших на него Лео и новоявленных телохранителей Елены. У них

не было задачи лишить его жизни, им надо было всего лишь задержать его, и он, сопротивляясь, прекрасно это понимал.

– Сдавайся Виктал!... тебе на этот раз не уйти, трусливый мешок с требухой!... – кричал ему Алекс.

– Не тебе мне указывать!... плебей!... – пыща злобой и отчаянием, огрызнулся тот.

– Сопротивляться бесполезно!... тебя всё равно будут судить за измену на поле брани!... – вновь кричал Алекс, отвлекая Виктала и стараясь забрать всё его внимание на себя. Лео же, в полутьме ориентируясь только на свет от луны и дежурного фонаря, как можно аккуратней наступал, припирая Виктала к стене. А тот продолжал метаться от стойла к стойлу, хватая лошадей за морду, проверяя, есть ли на какой из них уздечка.

Но вот он сделал свой последний рывок к дальнему стойлу с великолепным белым жеребцом. И надо же такому быть, скакун оказался взнуздан и отвязан. Простая оплошность конюха сыграла на руку Викталу. Он, словно ядовитая змея, хищным прыжком вскочил на коня и, направляя его прямо на преследователей, расталкивая их, вырвался наружу. Елена не ожидала такого развития событий. Стрелой, вылетев из конюшни, Виктал нёсся на неё. Меч был бесполезен и Елена, откинув его, моментально сгруппировалась для отскока. В ту же самую секунду изготовившаяся для удара Петрона с клинком в вытянутой руке, бросилась на неё со спины.

Елена даже и не заметила этого. Напрягшись насколь-

ко это было возможно, она пружиной отскочила в сторону от мчавшегося на неё Виктала. Петрона же, совершенно не задев отпрыгнувшую Елену, головой угодила прямо в ногу пронесившегося мимо Виктала. Пучок её грязных волос мгновенно запутался в его сандалии, а клинок, зажатый в её руке, угодил скакуну в брюхо. И в ту же секунду, одновременно, словно как по команде заржал раненый конь, и взвыла сбитая с ног Петрона. Да так взвыла, что самому богу Плутону стало тошно в его Тартаре. Конь, подстёгиваемый болью, рванул что есть сил. Выскочившим из конюшни гладиаторам и Лео с Алексом открылась жуткая картина.

Скакун дико ржа от боли нёсся во весь опор. Виктал вцепившись ему в гриву еле удерживаясь, изрыгал страшные проклятья. Петрона повиснув на его ноге запутавшимися волосами, визжала и барахталась, колотясь всем телом о землю. Отпрыгнувшая в сторону Елена, чуть приподнявшись, молча, смотрела на весь этот хаос.

Но вдруг в одно мгновение всё прекратилось. Дёрнувшись в бок, конь, споткнулся о болтающуюся Петрону и упал как подкошенный. Пролетев ещё несколько метров, он погрёб под собой и Виктала, и Петрону. А впереди перед конём на дороге, с поднятыми вверх руками, стояло несколько человек. То были Дарр, Максимус и двое сопровождавших их верных друзей. Это они, услышав крики в ночи, выскочили из леса и, вскинув руки вверх, напугали коня. Сбили его с пути и заставили споткнуться о Петрону, тем самым прекра-

тив его стремительный бег. Лео мигом подбежал к Елене и помог ей подняться.

– Как ты?... не ушиблась?... – взволновано спросил он.

– Да я-то в норме,... а вот как они там... – ответила Елена, показывая в направлении, где лежал конь.

– Пойдём, взглянем!... – призывно откликнулся Лео, и они пошли следом за гладиаторами и Алексом. А те уже успели поравняться с конём. Конь, вздымая голову с выпученными глазами, храпел и лягался, усиленно пытаясь подняться. В тот же момент с другой стороны дороги подошли Дарр и его спутники. В полутьме люди и стой и другой стороны не узнали друг друга. Но невзирая на это, они не испытывая друг к другу враждебности и недоверия, объединённые одной целью поднять коня, стали помогать ему. Приложив немало усилий, они всё-таки подняли скакуна. Встав, конь растопырил ноги и, упёршись копытами в землю, продолжил храпеть и тарашить на них глаза. Под ним лежали бездыханные Петрона и Виктал. С ними было покончено.

– И надо же было ей выскочить,... если бы не она, то нам его никогда бы не догнать... – не испытывая никаких эмоций, без сожаления заметил Лео.

– Ну что же,... такова судьба всех злодеев с чёрными помыслами,... не рой яму другому, и сам в неё не попадёшь... – немного сыронизировав, добавил Алекс.

– Она лишь ускорила приговор суда,... от возмездия им всё равно было не уйти... – заключила Елена.

Коня отвели в сторону и осмотрели. Рана на его брюхе была незначительная, хотя и болезненная. Оказывая ему помощь, люди, воспользовавшись лунным светом, стали присматриваться друг к другу.

– Алекс!... да неужели это ты!?... – вдруг громко, сам того не ожидая, удивился Максимус.

– Быть того не может!... а это ты!?... – узнав его, отвечал вопросом на вопрос Алекс. Лео тоже узнал Максимуса и стал приглядываться к остальным. Старые друзья центурионы обнялись и наперебой, словно оправдываясь друг перед другом, стали рассказывать, как они здесь оказались.

– Так выходит, мы снова на одной стороне!... – закончив объяснения, воскликнул Максимус.

– Да,... но только теперь на правильной стороне!... стороне правды и справедливости!... – радостно вторил ему Алекс.

– Да подождите вы радоваться! Ты Максимус сначала хоть представь, кто это там с тобой к нам пожаловал,... а то при лунном свете лиц совсем не разобрать... – обращаясь к центуриону, шутливо прикрикнул на него Лео.

– И то, правда,... что это я,... и вовсе из головы вылетело, сейчас-сейчас,... ты удивишься!... – опомнился центурион, подошёл к Дарру и указал ему на Лео.

– Ну, смотри,... это тот о ком я тебе говорил,... ну, как?... похож он на ту фреску?... Вот-вот, присмотришь!... Ну, вы пока тут разбирайтесь,... а я пойду, пожалуй,... чтоб не мешать!... – восторженно заявил Максимус и отошёл в сторону. Дарр сначала не поверил своим глазам, и взволнованно вглядываясь в полумрак, спросил.

– Посмотри на меня мальчик мой,... узнаёшь ли ты меня?... – обратился он к Лео на родном ему языке. Лео оторопел услышав знакомую речь. Он даже и представить себе не мог, что здесь на чужбине услышит её.

– Кто ты?... мне плохо тебя видно... – переспросил Лео, ища в лице Дарра знакомые черты.

– Да это же я, твой наставник!... всмотришь получше,... узнай скорей!... – не выдержав волнения, воскликнул Дарр и выдвинулся в полосу лунного света, чтоб как есть предстать перед Лео. Все прежние воспоминания, все давние образы, что годами таились в глубинах разума Лео, теперь вмиг всплыли в его сознания.

– Да!... да, я помню тебя,... теперь я точно вспомнил! Раньше мне казалось, что всё это лишь сон,... но сейчас, сейчас... – резко заговорил он, подошёл к Дарру и крепко обнял его, как если бы тот был его отцом. Через мгновение эти два мужественных бойца, два воина видевшие в своей жизни столько страха и ужаса, что хватило бы на всю вселенную, уже плакали в объятьях друг друга. Так встречаются только самые близкие люди после долгой разлуки. Впрочем, так оно

и было. Сколько же сразу посыпалось вопросов и ответов на них. Моментажно разгорелся разговор. Правда, он длился не так долго, как хотелось бы, надо было действовать дальше. Выплеснув всю накопившуюся грусть и скорбь, изрядно потолковав, мужчины, заканчивали свою беседу, уже как подбавляет соратникам.

– Теперь ты знаешь, кто ты есть на самом деле,... и ты должен немедленно вернуться на Родину!... народ тебя ждёт Леонид,... впрочем, я вижу, тебе есть с кем это обсудить... – намекая на Елену, улыбнувшись, завершил разговор Дарр, и по-отечески хлопнув Лео по плечу, удалился. После таких слов Лео тут же бросился к Елене, сильные чувства переполняли его.

– Ты не поверишь, как всё обернулась,... оказывается я наследник престола, и мой народ ждёт меня на Родине,... нужно ехать. Я даже не знаю, как нам теперь с тобой быть, ... мне надо всё тебе объяснить и попросить тебя о чём-то важном... – страшно волнуясь, что скажет Елена на такую новость, старательно подбирая слова, заговорил он. Однако Елена почти сразу прервала его.

– Не надо ничего объяснять и просить,... я и так всё прекрасно понимаю,... на тебе лежит большая ответственность за свой народ,... мне это тоже знакомо,... ведь я дочь Цезаря,... и кому как не мне понять тебя. Так что если я тебе нужна,... то ты не проси, только скажи, и мы вместе отправимся к тебе на Родину... – глядя прямо в глаза Лео, мягко

произнесла Елена и обняла его.

– Конечно, ... конечно нужна! Как же я без тебя, ... теперь мы навсегда связаны одной судьбой! Едем, едем вместе! ... – воскликнул Лео и, не сдерживая радости, покрыл лицо Елены поцелуями.

А меж тем окружавшие их люди, давно уже перезнакомившись, занимались своими делами. Максимус и Алекс, сделав вывод, что делать им в империи больше нечего, помогали остальным лечить коня. Рану сметали суровыми нитками, это умели делать все воины, и наложили повязку. Перевязывать пришлось всё брюхо коня, да ещё и по кругу. И это занятие рассмешило собравшихся, приведя их в отличное настроение. Вскоре кровь у скакуна остановилась, он успокоился и был готов к длительному переходу. Пока Лео и Елена радовались своему союзу, Дарр тем временем подготовил остальных в обратный путь. Среди столь разных людей возникло вдруг единодушие. Теперь объединённые одной идеей, доставить Леонида и Елену в целости и сохранности на Родину, где Лео ждали на царствование, они все сделались друзьями готовыми на всё ради достижения благой цели. Однако ещё надлежало поставить в известность о случившемся отца Елены, Цезаря.

Елена кое-как нашла, чем писать и исполнила для него подробное письмо. Не преминула она изложить и о том, что в последние дни жила под личиной шута, и что без памяти влюблена в бывшего гладиатора, а ныне царевича Леони-

да. Указала Елена и на то, что они раскрыли заговор гнусного завистника Виктала, и попытку его наёмников напасть на неё. Подробно описала она и встречу Лео со своим наставником, и о том, что им всем немедленно надо отъезжать на Родину к её возлюбленному. Пока она писала письмо, рядом шла подготовка к дороге. Приходилось действовать быстро, близился рассвет. Когда письмо было закончено гладиаторы с Максимусом и Алексом взяли бранные останки раздавленных злодеев и вместе с посланием отнесли в казарму к связанным наёмникам. Расчёт был прост, утром охрана обнаружит пленных разбойников, а вместе с ними обнаружит и письмо, тогда оно точно попадёт в руки Цезарю. Теперь друзей уже ничто не задерживало здесь, и они поспешили отбыть.

Для Максимуса и Дарра обратный путь был хорошо знаком, а потому в течение нескольких дней вся честная компания благополучно достигла родных мест Леонида. Конь быстро оправился от раны и очень им пригодился для перевозки вещей. А иногда и для передвижения немного уставшей Елены. И так уж вышло, что когда они въезжали в столицу, Елена также находилась в седле. Её рыжие волосы развивались на ветру, словно пылающий факел, Лео в этот момент вёл коня под уздцы. Получилось невероятное зрелище. Белый могучий скакун, оседлавшая его огненная красавица и вернувшийся молодой царевич. Эта картина произвела ошеломляющий эффект на встречающих их людей.

Молва о царевиче, его избраннице и белом скакуне в мгновении ока разнеслась по всей столице, проникая в её самые отдалённые уголки. В течение нескольких минут уже все жители города знали о подвигах и приключениях юных героев. Впрочем, в этом нет ничего удивительного, народна молва она на то и молва, чтоб все вмиг узнали обо всём. Так оно и получилось. Народ валом валил на главную улицу, дабы лично приветствовать влюблённых победителей. Добрая весть о возвращении царевича молнией достигла и дворца. Все подданные, стража, служащие и даже старушка родственница вышли встречать Лео. Как только он приблизился

к своей родственнице, она тут же узнала его и вся в слезах бросилась в его объятия. Родную кровь обмануть нельзя.

Трудно описать то счастье, то ликование, что охватило всю столицу, а вслед за ней и всё государство. На следующий же день Лео короновали. Теперь уже царь Леонид, немедленно назначил дату свадьбы со своей возлюбленной, и они тут же отправили приглашение отцу Елены, Цезарю империи. Сделав это, влюблённые затаив дыхание стали ждать ответа. Цезарь, получив сначала письмо дочери о её побеге с бывшим гладиатором, а потом и о приглашении на свадьбу с ним, пришёл в бешенство. Первой его мыслью было пойти на Лео войной и разорить всю его страну. Но недаром же он был великим Цезарем, быстро взяв себя в руки, остыв и поразмыслив, он рассудил мудро.

– Леонид царь, ... а став его женой и моя дочь будет царицей, ... ну а, как известно муж голова, а жена шея, ... куда хочет туда и вертит. Ну и зачем же я тогда пойду завоёвывать то, что уже завоевала моя дочь! Без войны, без боя взяла в плен всё государство, ... да ещё и царя в придачу! Ха-ха, ... и какого царя, ... Леонид много чего стоит, ... такого зятя и не грех полюбить! Ай да дочка, ... ай да молодец! – заключил он и, придя от таких мыслей в доброе расположение духа, тут же снарядил гонца с сообщением, в котором чёрным по белому сообщал о своём согласии приехать к ним на свадьбу.

Как сказал, так и сделал, он же Цезарь и его слово крепкое, прибыл на свадьбу с богатым подарком и с заключени-

ем мира. Свадьба же была воистину царской. Праздновали, несколько дней и ночей напролёт, не останавливаясь. То тут, то там виднелась огненная шевелюра Елены. Юная царица была везде и повсюду, и, разумеется, рядом с ней был Лео. Жители всей державы, радуясь и ликуя, приветствовали своих юных монархов. Люди давно уже прознали о той судьбоносной ночи, когда Елена бок обок сражалась с Леонидом, чтоб принести мир и спокойствие на их многострадальную землю. В считанные дни Елена обрела любовь всего народа, каждый человек воспевал её преданность и отвагу, свято веря, что она достойна стать их царицей. «Въехав в наш дом на белом коне, огненным факелом, она даровала нам алый цветок вечного мира!» говорили о ней люди и слагали легенды, которые остались навечно...

Конец

Сказка о прекрасной княжне Даше и загадочном художнике Пьере

1

Все те события, о которых дальше пойдёт речь, сушая правда. А случились они в самой расчудесной столице мира, городе Париже, где каждая улочка, каждый парк и даже каждая частичка воздуха пропитаны любовью. И так уж вышло, что произошли эти события как раз в тот год, когда строительство знаменитой ныне Эйфелевой башни, названной именем её творца, было завершено, и она предстала во всей своей красе перед взором мировой общественности. Разумеется, не всем современникам она пришлась по вкусу, и они тут же поспешили раскритиковать все те изыски и новшества в архитектуре, какие применил её талантливый создатель для её возведения. Но это не умаляет то великое значение, какое приобрело его творение для влюблённых всех стран и народов, став символом любви и романтики.

Ну а не так далеко от этого изящного символа любви и великолепия французской столицы, расположился квартал с поселившимися там молодыми и, как это зачастую бывает, бедными художниками. Вот в нём-то, в этом квартале, и обитал наш герой, а звали его Пьер. Это был светловолосый юноша, роста выше среднего, с исключительно стройной осан-

кой. Многие из знакомых Пьера отмечали это качество его фигуры. Такая военная выправка и прямая поступь были у Пьера неспроста.

Будучи ещё совсем молодым подростком, он покинув отчий дом в провинции, не найдя там себе ничего достойного, в поисках лучшей доли отправился на армейскую службу в колонию за море. В жаркую страну, защищать интересы своего государства. Однако Пьер пробыл там недолго. Почти через год его военной службы в одной из стычек с берберами его ранили в голову.

Но ранение оказалось не таким серьезным, как это изначально предполагалось, и имело больше психологическое значение, нежели чем физическое воздействие. Сабля противника рассекла кожу на лбу Пьера, при этом лишь вскользь задев кость. Рана зажила быстро, и из всех внешних изменений остался только шрам над бровями, который Пьер умело наловчился прикрывать бархатной повязкой. Да и то со временем он отказался и от неё, а шрам превратился в узкую светлую полоску на его загорелом лице.

Проведя месяц в полевом госпитале Пьер, выписавшись, покинул чуждый ему континент, и тем самым закончил карьеру военного. Имея кое-какие средства от службы в армии, и получив компенсацию за ранение, он поселился в столице и предался наслаждениям городской жизни. Отдыхал, слегка кутил, но в основном обожал пешие прогулки.

И вот как-то, после дивного обеда, гуляя по прекрасным

аллеям городского благоустроенного парка, ранее звавшегося «лес Рувр», а ныне ставшего местом отдыха и развлечения жителей столицы, Пьер вдруг ощутил невероятное желание отобразить всю красоту и очарование этого парка на холсте. То ли настроение у него было романтическое, то ли погода повлияла, неизвестно. Но скорей всего виной такому желанию был тот психологический эффект, какой случился у него после ранения.

Так что у Пьера от армии остался не только шрам и исключительная выправка, но ещё и непреодолимая жажда к творчеству. Как знать, если бы не тот бербер со своей сабелькой, стал бы Пьер художником. Да, и ещё, конечно же, от армии у него остались его замечательные усы. Ах, какие это были усы, по-армейски холёные, пшеничного цвета, заливчатски по-гусарски закрученные, старательно ухоженные прелестные усики. Они так гармонично сливались с его белозубой улыбкой и голубыми глазами, что многие женщины, увидев Пьера на прогулке, просто теряли голову и сходили по нему с ума.

А вскоре после той памятной прогулки, Пьер, обзаведясь всеми необходимыми для художественных работ принадлежностями, перебрался в недорогой квартал художников. Там его сначала восприняли настороженно, но спустя какое-то время, заметив его дружелюбие и безобидность, стали относиться к нему как к своему.

На первых порах он поселился в непрезентабельной ман-

сарде чердака, с которой открывался поразительный вид на весь квартал. Выбрав для себя полностью устраивающий его по уровню жизни уголок города, Пьер был очень этим доволен. И хоть его скромное жилище было скудно обставлено и для картин не хватало места, он и этому радовался настолько сильно, что постоянно напевал себе в усы весёлую песенку, да ещё и пританцовывал.

А внизу, между домами находилась небольшая, но милая площадь с магазинчиком и уютным кафе. По вечерам, когда солнце садилось, и повсюду загорались газовые фонари, перед ним представала сказочная картина. Тысячи ламп, брызгами своих огней, наполняли узкие улочки квартала, освещая ночную жизнь. В окнах домов района также начиналась своя жизнь, свои истории, свои приключения, всё преображалось и манило своей романтикой.

В те чудесные времена жили дружно и открыто, ничего не скрывая друг от друга. И Пьер, вдохновлённый красотой и открытостью ночного города, часто делал зарисовки с натуры. А потом делился своими наблюдениями с другими молодыми художниками, собиравшимися внизу на площади в кафе. Это было излюбленное место встреч всех начинающих художников ближайшей округи.

Они собирались там всегда, и утром, и вечером, и зачастую засиживаясь далеко за полночь, так и продолжали свои бурные творческие споры с дискуссиями, в коих каждый новичок мог с жаром отстаивать свою точку зрения. И уж тогда

к обсуждению подключались практически все жильцы соседних домов. То весело шутя, то критикуя, а то и восхищаясь картинами с эскизами, они проводили так многие ночи напролёт.

Пьер же, вдохновлённый аурой этого чудесного места, выполнив серию натуральных набросков, также подключился к жизни квартала и начал принимать, хотя сначала и робкое, но в дальнейшем активное участие в этих ночных захватывающих дух обсуждениях.

В течение короткого срока уровень его мастерства повысился как по волшебству. Многие более опытные художники, ставшие к тому времени Пьеру уже хорошими друзьями и товарищами, посоветовали ему устроить личную выставку. Однако Пьер в силу своей природной скромности и недостаточной уверенности в себе отказался от этой идеи и с удвоенной энергией взялся творить.

А уже через месяц в его работах угадывался замечательный мастер, сравнимый разве что с выдающимися созидаателями эпохи Возрождения. Его картины стали выделяться из общей массы своеобразной игрой красок и отличительным колоритом. Предметы, животные, природа, люди, да абсолютно всё, казалось настоящим. Его полотна были, словно живые и светились изнутри, а более впечатлительным людям, смотревшим на них, они внушали благоговейный трепет.

Появились и первые почитатели его таланта, нашлись и

желающие приобрести его картины. Также постоянными гостями ночных собраний были знакомые Пьера из той части художественной богемы, что в последствие стали именоваться импрессионистами. Однажды, собравшись все вместе в кафе, они, осматривая картины Пьера, выставленные на всеобщее обозрение, даже заплодировали и дружно выразили свой восторг.

– О! Импрессио! Импрессио! Манифик! – завосклицали они, а после, назвав его волшебником кисти и выпив с ним ещё ни одну бутылку вина за его искусство, расходясь по домам, взяли с него обещание быть им другом навсегда.

Обрадованный столь лестной похвалой Пьер сразу же зазнался, и с первых же удачных продаж купил себе для важности цилиндр, сюртук и трость с набалдашником из слоновой кости. Да и тут же отправился на вечернюю прогулку по своему любимому парку. Все, и дамы и юные девицы, что были на аллеях, сворачивали себе шеи, оглядываясь на такого-то щёголя. А одна милая всадница, в модном костюме амазонки, элегантно гарцуя на кауrom рысаче, так загляделась на Пьера, что едва не выпала из седла. Обратив внимание на столь бурную реакцию окружающих, Пьер, покручивая свои роскошные усы, конечно же, задрал нос и с наслаждением оперной дивы, которой рукоплещет весь зал, упивался своим триумфом, продолжая гордо шествовать.

И всё бы ничего, и быть может этот вечер так и остался для него триумфальным, но не тут-то было. На следующие

утро, взяв в руки кисти, краски и холст, он не смог сделать ни единого мазка. И не то, чтобы у него дрожали руки или же не поднялась кисть, но только не смог он и всё тут! Словно какая-то невидимая стена вдруг возникла между ним и мольбертом. Стоит он напротив холста, хочет нанести первый мазок и уже даже знает, как картина должна выглядеть, а сделать ничего не может, сил нет.

Постоял так Пьер час, другой, да и пошёл как был, в тот самый парк, где вчера так весело куражился. Пришёл, сел на лавочку под дуб широкий и заплакал. Ничего не понимает, что случилось, куда сила ушла. Посидел, поплакал, вроде успокоился и опять побрёл по аллеям гулять. Но уже не так, как прошлым вечером, вычурно задравши нос, а по-обычному, по-простому, как всегда это делал. Идёт, солнышко светит, небо голубое, люди кругом, но только они теперь на него внимания не обращают, идут себе тихо, степенно и не обращиваются. Нагулялся Пьер, пришёл домой и тут его, словно кто под локоток толкнул.

Он даже и, не перекусив, хотя и очень голоден был, сразу же к мольберту кинулся. И ещё до вечера картина, какую он задумывал, была готова. Да картина-то, какая получилась, просто загляденье. Краски живым светом отливают, радугой светятся, словно музыка звучит, глаз не оторвать. Сел Пьер напротив, смотрит на неё и радуется. Тут-то и понял он, что не в куражах и деньгах счастье. Сколько бы их у него не было, хоть все богатства мира, но только зачем они ему, коль

искусства лишают. Осознав ошибку, Пьер глубоко вздохнул, улыбнулся, растянулся на кровати и заснул блаженным сном.

2

Проспав всю ночь, словно младенец, утром Пьер встал бодрым и отдохнувшим. Быстро подойдя к окну, он резко растворил его и, набрав полную грудь свежего утреннего воздуха, замер в приятном томлении. И вдруг в тот миг он неосознанно заметил, как в доме напротив, в окне, где уже давно никто не жил, мелькнул стройный девичий силуэт. Остатки сна, какие в нём ещё теплились, мгновенно улетучились, их просто как ветром сдуло.

А ещё через мгновение, окно, на которое он уставился, отворилось, и в проёме появилась белокурая девушка несравненной очаровательности. Сказать, что она была красива, это значит, ничего не сказать. Глаза цвета изумруда, обрамлённые ресницами с крылышко бабочки, и алые, словно спелая малина губы, подчёркивая её изящный носик, придавали светлому лицу девушки первозданную гармонию божества.

Пьер, накинув на себя первое, что попало ему под руку, стремглав скатившись по ступеням лестницы, тут же помчался в кафе узнать последние новости. Вбежав в дверь, ещё запыхавшись, он тут же бросился с расспросами к хозяйке кафе княгине Светлане. Ведь это распахнутое окно, было именно от той комнаты, что принадлежала ей. Когда-то давным-давно княгиня, приехав в Париж из далёкой славянской страны, приобрела это маленькое уютное заведение, и

со временем обжившись в нём, так и осталась.

– Что это за чудо там, в окне?! – столкнувшись со Светланой у стойки бара, выкрикнул Пьер, будто выпалил из пушки.

– Ха-ха,... да ты сначала сядь, отдохни, выпей кофейка... – смеясь над его взбудораженным видом, ответила княгиня, и тут же наливая ему кофе, добавила.

– Впрочем, я так и знала, что ты её заметишь,... это моя младшая кузина, княжна Дарья,... вчера поздно вечером приехала. Там у неё дома что-то не заладилось, какие-то неприятности,... но сейчас это уже неважно,... я и вникать-то не стала, что там да как,... потом разберёмся. В общем, она пока поживёт у меня, а дальше видно будет. Я её поселила в комнатке для прислуги,... как раз напротив твоих окон... – всё так же весело улыбаясь, пояснила Светлана.

– Ты представишь меня ей... – не в силах присесть от волнения, взмолился Пьер.

– Хм,... такого как сейчас? Да ни за что! Ты только посмотри на себя, как ты выглядишь, растрёпа,... вот наведёшь порядок, тогда и поговорим... – недовольно хмыкнув, ответил Светлана, и Пьер уже было рванул бежать к себе наверх прихорашиваться, но не успел, княгиня остановила его.

– Да постой ты торопыга,... поешь хоть сначала,... ведь Дарья всё равно пока ещё с дороги отдыхает... – ласково предложила она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.